

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2022. Том 8, № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY

NEOPHILOLOGY

2022. Volume 8, No. 2

Неофилология. 2022. Т. 8, № 2

Сквозной номер выпуска – 30

Научно-теоретический журнал. Издаётся с марта 2015 г. Выходит 4 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России с 12 февраля 2019 г., по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология). Индексируется РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Тематика журнала:

Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (филологические науки)
Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
Межязыковая и межкультурная коммуникация (филологические науки, культурология)
Теория и история культуры (культурология)

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учёными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:

А.С. Щербак, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор:

С.А. Мызников, чл.-корр. РАН, д. филол. н. (г. Москва, Российская Федерация)

Ответственный секретарь:

И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

В.Г. Андреева, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Р. Гольдт**, д. филол. н., проф. (г. Майнц, Федеративная Республика Германия); **М.В. Горбаневский**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.И. Григорьева**, д. культурологии, проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.А. Зверева**, д. филол. н., доц. (г. Тамбов, Российская Федерация); **С.Н. Ильченко**, д. филол. н., доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **С.В. Кезина**, д. филол. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **И.В. Леонов**, д. культурологии, доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Ю. Накано**, д. филол. н., ассист. проф. (г. Киото, Япония); **О.Н. Новикова**, д. филол. н., доц. (г. Уфа, Российская Федерация); **О.Ю. Осьмухина**, д. филол. н., проф. (г. Саранск, Российская Федерация); **Л.А. Пронина**, д. филос. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.В. Рацбургская**, д. филол. н., проф. (г. Н. Новгород, Российская Федерация); **Н.В. Розенберг**, д. филос. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **В.И. Сунрун**, д. филол. н., проф. (г. Волгоград, Российская Федерация); **П.В. Сысоев**, д. пед. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **З.К. Темиргазина**, д. филол. н., проф. (г. Павлодар, Республика Казахстан); **Г.Н. Трофимова**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Л.А. Фурс**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.Е. Хворова**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Чжан Цзе**, д. филол. н., проф. (г. Нанкин, Китайская Народная Республика); **А.Л. Шарандин**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Ю.М. Шемчук**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **А.М. Шестерина**, д. филол. н., проф. (г. Воронеж, Российская Федерация); **Н.Н. Ярошенко**, д. пед. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования: Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. 204 с. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-2

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Тел.: +7(4752)72-34-34 доб. 0440

Эл. почта: ant_scherbak@mail.ru, ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>;

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, М.А. Сенина, М.И. Филатова

Редактор английских текстов: В.В. Ключихин

Компьютерное макетирование: Т.Ю. Молчановой

Дизайн обложки: Т.О. Прокофьевой

Администратор сайта: М.А. Сенина

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Подписной индекс 80303 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Территория распространения: РФ, зарубежные страны

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». 392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190Г. Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Тираж 1000 экз. Заказ № 22293

Подписано в печать 23.05.2022

Дата выхода в свет

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman»

Печать на ризографе. Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 24,7

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2022

© Журнал «Неофилология», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS	209
----------	-----

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Грачёв М.А. Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке	210
Колтунова Е.А., Жарков И.В. О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации	218
Мозговой В.И. Украинское законодательство в области национально-языковой политики и реальность социальных процессов (1917–2021 гг.)	228
Беляева М.Ю. Междометные глаголы в русскоязычном переводе веб-манхвы “Sweet Home” («Милый дом»): грамматический статус и новации	243
Чжао Юйцянь. Словообразовательный потенциал англицизмов в политической лексике	254
Юэлинь Лю, Ливэй Чжан. Сравнительный текстовый анализ новогодних обращений глав Российской Федерации и Китайской Народной Республики в аспекте лингвокультурологии	261
Саркисян О.Б., Дубова М.А. Концептуальная лексема «Суходол» как компонент авторской языковой картины мира в одноименной повести И.А. Бунина	276
Завадская А.В. Словообразовательные неологизмы эпохи пандемии коронавируса в медийном пространстве	286

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

Ершова Н.Б. Репрезентация концепта «Деятель» в переводе произведения Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» на немецкий язык	295
---	-----

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Серебряков А.А., Железняк Д.Р. Взаимодействие принципов структурного построения в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского	303
Колчанов В.В., Косякова С.А. К источникам мотива массового психоза в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	312

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Мальгина Л.Е., Павлова Е.С. Лингвобезопасность: антивакцинаторский медиадискурс в контексте аксиологических мировоззренческих трансформаций	324
Прохоров А.В. Формирование имиджа университета средствами корпоративных медиа	333
Терских М.В., Плюснина Н.В. Рекламные интеграции в социальной сети TikTok: понятие, функции, форматы, жанры	345
Гуськова С.В. Полемичность политического дискурса в региональном интернет-пространстве	358
Орабийи Джошуа Оладотун Анджолаолува. Лексико-семантические маркеры искажения медиаобраза Нигерии в российских медиатекстах	369
Ба Харон Абдулрахман Хасан Абдул Рахман. Гражданское общество в Йемене в эпоху сетевых коммуникаций и новых медиа: к проблеме гражданского активизма	377

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Феодосий (Сергей Иванович Васнев) Духовный путь Фёдора Михайловича Достоевского	385
Юрьева М.Н. Танцевальная культура тамбовского провинциального дворянства конца XIX – начала XX века	393
Круглова М.Г., Червова А.А. Эволюция статуса ювелирных украшений в истории культуры и их роль в межкультурных взаимодействиях	401

Neophilology. 2022. Vol. 8, no. 2

Continuous issue number – 30

Scientific-theoretical Journal. Published since March 2015. Issued 4 times a year

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Derzhavin Tambov State University” (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Publisher’s: FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia since February 12, 2019, on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (culturology). Indexed by the RSCI, DOAJ, Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, Scientific Electronic Library “eLIBRARY.RU”, Electronic Library “CyberLeninka”

Basic headings of the journal:

Russian language. Languages of peoples of Russia (philological sciences)
Languages of peoples of foreign countries (Germanic languages) (philological sciences)
Russian literature and literature of peoples of Russian Federation (philological sciences)
Media Communications and Journalism (philological sciences)
Crosslanguage and crosscultural communication (philological sciences, culturology)
Theory and history of culture (culturology)

All articles are checked in the “Antiplaga” program and double-blind peer-reviewed by leading scientists in accordance with the subject and specialization of the journal.

Editor-in-Chief:

A.S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor:

S.A. Myznikov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology (Moscow, Russian Federation)

Executive Editor:

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board:

V.G. Andreeva, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **R. Goldt**, Doctor of Philology, Professor (Mainz, Federal Republic of Germany); **M.V. Gorbanevskiy**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **E.I. Grigorieva**, Doctor of Culturology, Professor (Moscow, Russian Federation); **E.A. Zvereva**, Doctor of Philology, Associate Professor (Tambov, Russian Federation); **S.N. Ilchenko**, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **S.V. Kezina**, Doctor of Philology, Professor (Penza, Russian Federation); **I.V. Leonov**, Doctor of Culturology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **Y. Nakano**, Doctor of Philology, Assistant Professor (Kyoto, Japan); **O.N. Novikova**, Doctor of Philology, Associate Professor (Ufa, Russian Federation); **O.Y. Osmukhina**, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russian Federation); **L.A. Pronina**, Doctor of Philosophy, Professor (Tambov, Russian Federation); **L.V. Ratsiburskaya**, Doctor of Philology, Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation); **N.V. Rozenberg**, Doctor of Philosophy, Professor (Penza, Russian Federation); **V.I. Suprun**, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russian Federation); **P.V. Sysoyev**, Doctor of Pedagogy, Professor (Tambov, Russian Federation); **Z.K. Temirgazina**, Doctor of Philology, Professor (Pavlodar, Republic of Kazakhstan); **G.N. Trofimova**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **L.A. Furs**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **L.E. Khvorova**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **Zhang Jie**, Doctor of Philology, Professor (Nanjing, People’s Republic of China); **A.L. Sharandin**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **Y.M. Shemchuk**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **A.M. Shesterina**, Doctor of Philology, Professor (Voronezh, Russian Federation); **N.N. Yaroshenko**, Doctor of Pedagogy, Professor (Moscow, Russian Federation)

The opinions expressed by the publications authors may not coincide with those of the editorial

For citation: Neophilology. 2022. Vol. 8, no. 2. 204 p. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-2

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 add 0440

E-mail: ant_scherbak@mail.ru, ilina@tsutmb.ru

Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>;

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Editors: Y.A. Biryukova, M.A. Senina, M.I. Filatova

English texts editor V.V. Klochikhin

Computer layout T.Y. Molchanova

Cover design T.O. Prokofeva

Web-site administrator M.A. Senina

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

The mass media registration certificate ПИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Subscription index in the catalogue LLC “Ural-Press” is 80303

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

The original layout is prepared in the Incorporate Editorial of Scientific Journals

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy” of FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”. 190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Copies printed 1000. Order no. 22293

Signed for printing 23.05.2022

Release date

Format A4 (60×84 1/8). Typeface “Times New Roman”

Printed on risograph. Pr. sheet 25,5. Conv. pr. sheet 24,7

Free price

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2022

© The journal “Neophilology”, 2022

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

Mikhail A. Grachev , Adaptation of argotic units in the national Russian language in the 21st century	210
Elizaveta A. Koltunova, Igor V. Zharkov , The limits of application of discrediting speech strategy concept in lingvo-expert practice	218
Vladimir I. Mozgovoy , Ukrainian Legislation on National Language Policy and the Reality of Social Processes (1917–2021)	228
Marina Y. Belyaeva , Interjectional verbs in Russian translation of the web-manhwa “Sweet Home” (“Milyy dom”): grammatical status and innovations	243
Yuqian Zhao , The word-formation potential of anglicisms in political vocabulary	254
Liu Yuelin, Zhang Liwei , Comparative textual analysis of New Year’s speeches of the heads of the Russian Federation and the People’s Republic of China in linguistic and cultural aspects	261
Olga B. Sarkisyan, Marina A. Dubova , The conceptual lexeme “Sukhodol” as a component of the author’s linguistic world picture in the short novel of the same name by I.A. Bunin	276
Anastasiya V. Zavadskay , Word-formation neologisms of the coronavirus pandemic era in the media space	286

LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC LANGUAGES)

Natalia B. Ershova , Representation of the concept “Doer” in the translation of Antoine de Saint-Exupéry’s “The Little Prince” into German	295
---	-----

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES OF RUSSIAN FEDERATION

Anatoliy A. Serebriakov, Daria R. Zheleznyak , The interaction of the structural construction principles in the F.M. Dostoevsky’s novel “The Idiot”	303
Vladimir V. Kolchanov, Svetlana A. Kosyakova , To the sources of the motive of mass psychosis in M.A. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”	312

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Lidia E. Malygina, Ekaterina S. Pavlova , Linguistic security: anti-vaccination media discourse in the context of axiological worldview transformations	324
Andrey V. Prokhorov , Formation of the university’s image by means of corporate media	333
Marina V. Terskikh, Natalya V. Plyusnina , Advertising integrations in the TikTok social network: Concept, functions, formats, genres	345
Svetlana V. Guskova , Polemical nature of political discourse in the regional Internet space	358
Joshua Oladotun Anjolaoluwa Orabiye , Lexical-semantic markers of distortion of the media image of Nigeria in Russian media texts	369
Abdulrahman Hassan Abdulrahman Ba Haron , Civil society in Yemen in the era of network communications and new media: on the civil activism issue	377

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Theodosius (Vasnev Sergey Ivanovich) , The spiritual path of Fyodor Dostoevsky	385
Marina N. Yurieva , Dance culture of the Tambov provincial nobility of the late 19th – early 20th century	393
Maria G. Kruglova, Albina A. Chervova , The evolution of the jewelry status in the history of culture and its role in intercultural interactions	401

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК811.161.1
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-2-228-242

Украинское законодательство в области национально-языковой политики и реальность социальных процессов (1917–2021 гг.)

Владимир Иванович МОЗГОВОЙ

ГО ВПО «Донецкий национальный университет»
283001 Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, 24
✉ mowi48@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования языкового законодательства Украины определяется его мононациональной направленностью и социальной неадекватностью. Цель статьи – вскрыть завуалированную основу украинизации, начиная от её терминологического осмысления М. Грушевским (1907 г.) до юридического закрепления на уровне государственного строительства, охватывающего три этапа: этап революционно-хаотичной украинизации (1917–1919 гг.), этап частичной украинизации в рамках СССР (1920–1991 гг.) и этап полной украинизации независимой Украины (с 1991 г.). Последний из них демонстрирует скрытые ранее направления и методы современной украинизации – обособление территорий от русского мира на основе «национальной идеи», что требует отдельного рассмотрения украинского законодательства, сопровождающего этот процесс. С социальной точки зрения его легитимность проблематична, поскольку оно не способствует развитию национального языка. В качестве инструментов, позволяющих сохранить его культурный потенциал, предлагаются определения главным функциональным составляющим национально-языковой политики: понятий языков национальностей, родного, государственного, официального, регионального и нетерриториальных языков. Доказывается, что противоречие между их объективной природой и субъективностью идеологической трактовки приводит к социальным конфликтам, разрушающим основы государства и права. Сделан вывод, что статус языков в многонациональном государстве устанавливается не политическими декларациями, а идеей сохранения культурного потенциала всех национальных сообществ вне зависимости от территории их проживания и национально-языковой принадлежности граждан.

Ключевые слова: языковое законодательство, национально-языковая политика, украинизация, коренизация, национальный язык, государственный язык, языки общения, язык общности

Для цитирования: Мозговой В.И. Украинское законодательство в области национально-языковой политики и реальность социальных процессов (1917–2021 гг.) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 228-242. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-228-242>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Ukrainian Legislation on National Language Policy and the Reality of Social Processes (1917–2021)

Vladimir I. MOZGOVOY

Donetsk National University

24 Universitetskaya St, Donetsk 283001, Donetsk National Republic

✉ mowi48@mail.ru

Abstract. The relevance of the study of Ukrainian language legislation is determined by its mono-national orientation and social inadequacy. The purpose of the article is to uncover the veiled basis of Ukrainization, starting from its terminological understanding by M. Hrushevsky (1907) to the legal consolidation at the level of state building, which covers three stages: the stage of revolutionary and chaotic Ukrainization (1917–1919), the stage of partial Ukrainization within the USSR (1920–1991), and the stage of full Ukrainization of independent Ukraine (since 1991). The latter demonstrates previously hidden directions and methods of modern Ukrainization – the isolation of territories from the Russian world on the basis of the “national idea”, which requires a separate consideration of the Ukrainian legislation that accompanies this process. From the social point of view, its legitimacy is problematic, as it does not contribute to the development of the national language. The definitions of the main functional components of the national-language policy: the concepts of languages of nationalities, native, state, official, regional and non-territorial languages are offered as tools to preserve its cultural potential. It is proven that the contradiction between their objective nature and the subjectivity of ideological interpretations lead to social conflicts, destroying the foundations of the state and law. The conclusion is made that the status of languages in a multinational state is established not by political declarations, but by the idea of cultural potential preservation of all national communities, regardless of their residence territory and national linguistic identity of its citizens.

Keywords: language legislation, indigenization, national-language policy, Ukrainization, nativization, national language, state language, languages of communication, language of community

For citation: Mozgovoy V.I. *Ukrainskoye zakonodatel'stvo v oblasti natsional'no-yazykovoy politiki i real'nost' sotsial'nykh protsessov (1917–2021 gg.)* [Ukrainian Legislation on National Language Policy and the Reality of Social Processes (1917–2021)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 228–242. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-228-242> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

История украинского законодательства, регламентирующего основы национально-языковой политики, довольно оригинальна. Она демонстрирует последовательное ужесточение методов, направленных на внедрение украинского языка и украинской культуры (так называемой «украинизации») во все сферы государственных и межличностных отношений. Это понятие уже не воспринимается

еще поэтому как метафора. Оно прочно вошло в обиход и употребляется для характеристики типично украинского национального мировоззрения, формирующегося на протяжении более чем ста лет¹.

¹ Термин «украинизация» был впервые сформулирован в статье М. Грушевского «Вопрос об украинских кафедрах и нужды украинской науки», изданной в 1907 г., под которым понимался переход некоторых учебных заведений на украинский язык преподавания [1].

Расширив за это время свои компетенции и количество апологетов, усложняя цели и формы «борьбы за национальную идею», украинизация не изменила при этом приверженности субъективно-идеологическим принципам её внедрения, игнорирующим объективную природу языка и коммуникативную основу его функционирования. Социуму предписывалось «забыть» о реальности диалогического бытия и безоговорочно приспособиться к политически окрашенным языковым реформам, связанным с периодической сменой власти и представляющих её лидеров.

Актуальность исследования законодательства Украины в таком контексте очевидна: она усиливается по мере расширения неадекватности языковой политики и её отстранённости от реального функционирования языков в многонациональном государстве.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель статьи – описать мотивы, причины и следствия процессов украинизации, начиная от её терминологического осмысления до законодательного закрепления в практике государственного строительства, связанного с гуманитарной сферой: культурой, наукой, образованием, идеологией, языковой политикой и социальным управлением.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСЛЕДОВАНИЯ

Исследование проблемы трансформации языкового феномена украинизации в идеологию национального превосходства привело к выводу о том, что качественные изменения в её сущностном измерении накапливались по мере усиления революционных сдвигов в общественном сознании, как правило, не сопряжённых с положительными результатами.

На каждом из витков эскалации социальных противоречий перед языковым сообществом ставились «обновлённые» гуманитарные цели, которые по мере их очередного «недовыполнения» подменялись довольно «простой» и якобы позитивной идеей строительства мононационального государства, которое при этом преследовало ещё более абсурдную цель: «национальное обособление» украинского от русского или любого

другого мира. Её абсурдность постепенно становилась очевидной, и в противовес ей в общественном сознании формировалась противоположная мысль об антисоциальном характере законов, легитимирующих идеологию национальной исключительности, складывающуюся в российской, советской и постсоветской истории на протяжении трёх этапов².

Этап революционно-хаотичной украинизации

Эпоха русских революций (1917–1919 гг.) была связана с разрушением устоявшихся социальных систем, моделей управления и представлений о политических лидерах и их идеологиях, предопределивших ломку сознания и хаотичный поиск новых ориентиров. Среди них особо выделялась идея национальной многовекторности как наиболее простая для восприятия большинством обывателей. Не случайно её начали эксплуатировать ещё в царской России. Так, осенью 1917 г., как раз накануне революции, появились украинские формирования Русской императорской армии, в которых форма офицеров отличалась даже воинской атрибутикой: серебряными погонами с просветами и кантами голубого и жёлтого цветов. Эту идею подхватили участники великого перелома в Малороссии, смутно представляющие результаты и последствия её внедрения.

Февральская буржуазная революция, не имея реальных аргументов и атрибутов влияния на массы, содействовала её внедрению в общественное сознание, на волне которого 7 (20) ноября 1917 г. была провозглашена Украинская Народная Республика в составе России. Неизвестное ранее понятие украинскости стало подчёркивать не форму управления («народная») и не национальность («украинец»), а господствующую идеологию и принадлежность к политическому течению определённого толка. Не случайно её первым президентом был избран Михаил Грушевский (28 марта 1917 г. – 29 апреля 1918 г.) – последовательный сторонник украинизации. По его инициативе изменились

² Дальнейший обзорный анализ первых двух этапов подготовлен с учётом материалов докторской диссертации Е.Ю. Борисенко (см.: [2]).

прежде всего подходы к образованию и информационно-политической политике: начала функционировать украинская гимназия им. Т.Г. Шевченко в г. Киеве, открыто 215 украинских школ, выпущено 747 наименований книг на украинском языке, зарегистрировано 106 украиноязычных газет и журналов, что не вызвало вначале отторжения. Опаснее казалась насильственная социализация земельных угодий, не принятая крестьянами, склонявшимися к большевистским идеям «раздела земли», и «игра» с промышленными регионами, экономически и политически страдающими от всё большего отмежевания УНР от Советской России. «Как альтернатива политике Центральной Рады, которая могла привести промышленные регионы Украины к их оккупации Германией, в конце января 1918 г. была провозглашена Донецко-Криворожская Республика в составе РСФСР, включающая территорию Харьковской, Екатеринославской, части Херсонской губерний и прилегающих к ним промышленных регионов Войска Донского, со столицей в городе Харькове» [3, с. 112].

Ситуация в разделённой на части Украине осложнилась ещё больше после свержения оккупационными войсками Центральной Рады в Киеве и захвата власти Павлом Скоропадским, провозгласившим себя Гетманом Украинской Державы, независимой от Москвы, но существующей как протекторат Германии. С поддержки и одобрения последней украинский язык получил статус государственного. Согласно закону на нём предписывалось осуществлять любое официальное общение в воинских частях, на предприятиях связи, в школах, профессиональных образовательных учреждениях, духовных и учительских семинариях. В 1918 г. была проведена также реорганизация высшего образования, культуры, типографий и издательств, а именно:

- объявлены украинскими Харьковский, Новороссийский, Киевский имени св. Владимира университеты и Екатеринославский горный, Киевский политехнический, Харьковские технологический и ветеринарный институты;

- переведены на украинский язык 212 периодических изданий и 1084 наименования книг;

- образованы национальные украинские театры и кафедры украиноведения в высшей школе.

Насильственная украинизация гуманитарной сферы в сочетании с колонизацией экономико-промышленной системы вызвала естественный протест у интеллигенции, крестьян, а тем более у промышленно ориентированной Донецко-Криворожской Республики, вошедшей в состав другой, Советской Украины. Ей поэтому была объявлена война как со стороны Центральной Рады, так и со стороны свергнувшей Центральную Раду Директории во главе с В. Винниченко (14 декабря 1918 г. – 13 февраля 1919 г.) и С. Петлюрой (13 февраля 1919 г. – 10 ноября 1920 г.).

Директория, впрочем, не извлекла уроки упразднённой УНР, усилив процесс украинизации. В январе 1919 г. украинский язык был объявлен обязательным для всех правительственных и общественных учреждений и стал единственным языком преподавания. Однако такое псевдонациональное образование не могло существовать долго. Пятого февраля 1919 г. в Киев вступили большевики, которых поддержало народное большинство, после чего оккупационный режим пал и была провозглашена Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), куда вошла так и не упразднённая официально Донецко-Криворожская Республика [4].

Насильственная украинизация исчерпала свой ресурс. В марте 1919 г. Наркомат просвещения (Наркомпрос) отменил предыдущие постановления о государственном языке, привилегии по национальному признаку и предоставил право определять язык обучения самостоятельно на местах при условии, что обязательными предметами должны стать история Украины и один из местных языков.

Украинизация вступила в новый этап осмысления в рамках союзного государства.

Этап системной украинизации в рамках СССР

Проведение национально-языковой политики в Советском Союзе характеризовалось явной противоречивостью.

Первое противоречие заключалось в том, что новый тип государства формировался в

системе правящей коммунистической идеологии, основанной на теории классовой борьбы и в то же время на принципах интернационализма с перспективой построения бесклассового общества.

Второе противоречие вытекало из концепции территориального деления союзного государства по национальному признаку, что утверждало наличие национальной специфики у входящих в его структуру субъектов, но предполагало их единство во имя бесконфликтного будущего.

Третье противоречие закладывалось неодинаковостью природных ресурсов и темпов культурного-экономического развития у разных национальных республик, входящих в состав СССР в разное время и в разных исторических условиях, что предполагало разноректорность политики по их выравниванию.

В этих противоречивых условиях лавирование между устоявшимся старым и не окрепшим новым могло быть успешным только в том случае, если национально-языковая политика учитывала бы реальность разных классовых и культурно-образовательных показателей и возможностей в республиках, территориально-административных единицах и пограничных территориях.

Этими критериями и определялась, в частности, перспективность политики украинизации и коренизации, по-разному трактуемой в разные периоды её осуществления.

1. Украинизация в УССР в 1920–1930 гг. Начало разработки нормативной базы языковой политики в многонациональном советском обществе датируется 1920–1921 гг. Тактика её осуществления опиралась на украинизацию как явление закономерное и в определённом смысле историческое. Автором этой идеи был И.В. Сталин, осуждавший великорусский шовинизм и считавший, «...что если в городах Украины до сих пор ещё преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига – чисто латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризованы. То же самое будет с Белорусси-

ей, в городах которой всё ещё преобладают небелоруссы» [5, с. 49]. За внешним фасадом приоритета национального скрывался мотивированный коммунистической идеологией классовый подход к национальной политике: русскоязычные города (с пролетариатом, интеллигенцией), окружённые украинскими сёлами (крестьянами), откуда черпаются людские резервы, обречены на украинизацию, а в государственной политике – на коренизацию³.

Курс на коренизацию советских республик узаконил XII съезд РКП(б), состоявшийся в апреле 1923 г., после чего уже в июле–августе в УССР были установлены сроки выполнения соответствующего плана мероприятий, например, о том, что поступающие на государственную службу должны в обязательном порядке изучить украинский язык в течение шести месяцев, а работающие в ней – в течение одного года.

В них было также предусмотрено:

- обязательное изучение украинского языка во всех школах;
- издание в каждом областном центре (губернском городе), как минимум, одной украиноязычной газеты;
- создание вечерних школ для обучения служащих украинскому языку;
- учреждение Института украинского научного языка.

Тридцатого апреля 1925 г. вышло, далее, Постановление ВУЦИК и СНК УССР «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», предусматривающего ведение делопроизводства в государственных учреждениях и предприятиях исключительно на украинском языке.

Выполнение этих и других постановлений, касающихся темпов проведения украинизации, строго контролировалось Рабоче-крестьянской инспекцией. За нарушение темпов и сроков украинизации предусматривались административные взыскания, вплоть до увольнения с работы.

Вместе с обучением кадров в полную мощь была включена пропагандистская кам-

³ Коренизация – политическая и культурная кампания советской власти в национальном вопросе в 1920-е и в начале 1930-х гг., призванная сгладить противоречия между центральной властью и коренным населением национальных республик СССР.

пания по плановому увеличению количества украинцев в управленческом аппарате, которая принесла свои плоды. По состоянию на 1926 г. среди госслужащих 54 % составляли украинцы; в партийных организациях этот процент был ещё большим, неуклонно возрастающая из года в год: в 1920 г. процент украинцев среди коммунистов составлял 20,1 %, в 1925 г. – 52 %, а в 1933 г. – 60 %.

Кадров в 1920-е гг. для такой работы не хватало, поэтому для работы в системе Наркомпроса были приглашены эмигранты-националисты из Галичины (их численность составляла более 50 тыс. человек). Среди них особо выделялись своей известностью личности М.С. Грушевского, С.Л. Рудницкого и М.М. Лозинского.

Результаты их деятельности к 1928 г. были впечатляющими.

Во-первых, была проведена реформа украинского правописания, в результате чего украинский язык якобы приобрёл «графическую самостоятельность».

Во-вторых, были украинизированы практически все газеты, школы, вузы, театры, госучреждения.

В-третьих, во всю мощь заработал механизм «принудительной ответственности».

В Одессе, например, где процент учащих-украинцев составлял менее трети, были украинизированы все школы, а количество русскоязычных газет в Украине сократилось к 1930 г. до трёх (остальные были украинизированы).

Несогласных с планом украинизации подвергали репрессиям. Так, в июле 1930 г. президиум Сталинского окружного исполкома постановил «привлекать к уголовной ответственности руководителей, относящихся к украинизации формально: не нашедших способов украинизировать подчинённых или нарушающих действующее законодательство в сфере языковой политики».

Ещё более «результативными» были мероприятия по коренизации территорий, согласно которым стали образовываться национальные округа, районы и сельсоветы для так называемых нацменьшинств. К 1930 г. в УССР, например, насчитывалось 26 национальных районов и 1121 национальный сельсовет.

2. Украинизация отдельных территорий РСФСР в 1920–1930 гг. Развитие революционных процессов по поддержке коренной украинской идентичности затронуло не только Украину.

В составе РСФСР выделилась, например, Дальневосточная Республика, где в 1920–1922 гг. действовали украинские общественные организации и украинская школа, что позволило Министерству по национальным делам на основании решения Благовещенской уездной рады утвердить украинскую культурно-национальную автономию в Амурской области. В итоге к ноябрю 1921 г. в Дальневосточной Республике насчитывалось уже несколько десятков национальных школ (большинство в Амурской и Приамурской областях), открыта Хабаровская учительская семинария с обязательным преподаванием в ней украинского языка и литературы и учреждена Украинская учительская семинария (г. Свободный, Амурская область).

При поддержке КП(б)У украинизацией были охвачены также территории Кубани, Донского и Ставропольского края, части Северного Кавказа, Курской и Воронежской областей и ряда областей Северного Казахстана, исторически заселённых украинцами.

Плановая украинизация РСФСР со временем обнаружила и свои проблемные участки. Когда осенью 1922 г. был поставлен вопрос об объединении Дальневосточной Республики и РСФСР в одно государство, украинские общественные организации выступили против, за что подверглись репрессиям.

3. Украинизация Западной Украины в 1939–1941 гг. Процесс украинизации Западной Украины, находившейся в составе Польши, после присоединения к УССР шёл параллельно с советизацией. Особенность состояла в том, что она проходила без коренизации: руководство осуществлялось «из центра», а власть «на местах» представляли присланные из восточных регионов Украины специалисты.

В результате за короткое время польский язык был заменён украинским: в массовом порядке открывались украинские школы (их стало более 5600), регистрировались украиноязычные газеты. Были также украинизированы Львовский университет им. Яна Казимира и Львовская опера, что отразилось даже

на названиях: сейчас это Львовский университет им. Ивана Франко и Львовская опера им. Ивана Франко.

4. Свёртывание украинизации в РСФСР и УССР (1932–1937 гг.). Процесс пересмотра украинизации стал закономерным итогом субъективного подхода к политике коренизации и советизации в противовес теории классовой борьбы, что было чревато националистическими перегибами, которые регистрировались и в РСФСР, и в УССР.

В РСФСР речь шла о прекращении украинизации на основании совместной директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 декабря 1932 г., которая не допускала обсуждений и требовала обязательности выполнения сформулированных на её основе мероприятий в максимально жёсткие сроки. Вот как, например, на директиву отреагировали обком и облисполком Чернозёмной области:

«С 1 января 1933 года прекратить преподавание украинского языка во всех школах I и II ступеней (кроме седьмых групп выпуска текущего учебного года);

С 1 января 1933 года отменить все курсы по подготовке учителей украинского языка;

Заменить во всех учебных планах преподавание украинского языка и литературы на преподавание русского языка и литературы;

С 15 января 1933 года прекратить преподавание украинского языка в педагогических техникумах (кроме третьих курсов);

Ликвидировать Борисовский и Волоконовский украинские педагогические техникумы;

Прекратить преподавание украинского языка в Белгородском педагогическом институте;

Упразднить курсы по обучению украинского языка для технического состава сельсоветов;

Перевести всё делопроизводство в судах и прокуратуре на русский язык;

Немедленно прекратить переписку на украинском языке;

Прекратить выплачивать работникам украинцам любые надбавки за работу на украинском языке;

Ликвидировать украинскую кассационную группу областного суда» [6].

В УССР ситуация требовала уже не деукраинизации, а денацификации. В августе

1932 г. И.В. Сталин заявил о наличии в образовании и партийных структурах скрытых националистов и антисоветчиков, требуя перевести украинизацию в другое русло. Уже с марта 1933 г. по январь 1934 г. по обвинению в национализме из школ было уволено около четырёх тысяч учителей, аресту подверглись около двух тысяч председателей колхозов. В 1933 г. комиссия по правописанию признала нормы 1927–1929 гг. националистическими и приняла решение их переработать.

В апреле 1934 г. Оргбюро ЦК КП(б)У создало совместные комиссии из работников Наркомпроса и органов госбезопасности, которые должны были до 1 июня 1934 г. очистить национальные районы и школы от «антисоветских элементов». В результате из Наркомпроса было уволено более двухсот человек, в научно-исследовательских учреждениях репрессировано 270 учёных, в пединститутах – 210, из состава Академии наук выведены галичане М.С. Возняк, Ф.М. Колесса, К.И. Студинский и В.Г. Щурат. Однако процесс украинизации не был остановлен: он стал сочетаться с борьбой против националистов. Об этом свидетельствуют факты: в 1935 г. Наркомпрос Украины запретил в украинских школах проводить внеклассную работу на русском языке, а в русскоязычном Донбассе перевели делопроизводство на украинский язык.

5. Лояльная украинизация в УССР (1944–1991 гг.). В послевоенной истории процесс украинизация Украины стал более спокойным. Накал оголтелости ослаб, и в русских школах изучение украинского языка, а в украинских – русского стало привычным. Например, в Донбассе, Крыму и русскоговорящих районах Днепропетровской, Харьковской, Запорожской, Одесской, Николаевской и Херсонской областей в общении, в том числе официальном, превалировала русская речь, что никого не удивляло и которую никто не запрещал.

Форсированная украинизация наблюдалась лишь на территориях, вошедших в состав СССР после разгрома фашистской Германии. В первую очередь, это касалось Закарпатской Украины, освобождённой от немецких и венгерских оккупационных войск.

26 ноября 1944 г. в городе Мукачево состоялся Съезд народных комитетов Закар-

патской Украины, который принял манифест о воссоединении Закарпатской Украины с УССР, а 29 июня 1945 г. в Москве был подписан «Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине».

Согласно этому документу «Закарпатская Украина (носящая согласно чехословацкой конституции название Подкарпатская Русь), на основании договора от 10 сентября 1919 г., заключённого в Сен-Жермене, вошедшая как автономная единица в границы Чехословацкой Республики, воссоединяется согласно желанию, изъявленному населением Закарпатской Украины, и на основании дружественного договора обеих Высоких Договаривающихся Сторон со своей исконной родиной – Украиной и включается в состав Украинской Советской Социалистической Республики»⁴.

Далее Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 января 1946 г. была образована Закарпатская область Украинской ССР с центром в городе Ужгороде. Политико-административные по своей сути решения не противоречили объективной реальности и были однозначно поддержаны социумом, чего не скажешь о национально-языковой стороне вопроса.

Дело в том, что в Закарпатье, кроме закарпатских украинцев (бойки, лемки, гуцулы, долиняне), проживали ещё венгры, русины, румыны, цыгане, словаки, белорусы и немцы, которых при переписи записали украинцами по принципу: в Закарпатской Украине все проживающие в ней должны быть украинцами. Это отразилось затем на межнациональных отношениях, страдающих от политики языковой стандартизации.

Конфликт между субъективным началом принимаемых политических решений и объективной основой социальных отношений набирал обороты, вспыхнув с новой силой после распада СССР.

Этап украинизации в независимой Украине. Законы и их комментарии

О начале безальтернативной кампании по украинизации Украины было заявлено ещё до провозглашения независимости. Пер-

⁴ См.: Правда. 1945. 30 июня. № 155 (9926).

вым документом, ставшим предтечей событий, связанных с упразднением СССР, был *Закон УССР «О языках в Украинской ССР»* принятый 28 октября 1989 г.⁵ Его квалифицировали как достижение национально-демократических сил, хотя завуалированная цель этого документа была направлена на самом деле на будущее свёртывание русского влияния. Не случайно о статусе языков, реально функционирующих на территории Украины, говорится расплывчато.

С одной стороны, в преамбуле декларируется, что «Украинская ССР обеспечивает украинскому языку статус государственного...», а с другой, что «Украинская ССР создаёт необходимые условия для развития и использования языков других национальностей в республике» (ст. 3); с одной стороны, что «...языками межнационального общения в Украинской ССР является украинский, русский и другие языки», а с другой, что «Украинская ССР обеспечивает свободное использование русского языка как языка межнационального общения народов Союза ССР» (ст. 4).

Такая «расплывчатость» прослеживается и в принятой 1 ноября 1991 г. *Декларации прав национальностей*⁶, в которой права русского, как и других языков, связываются с национальностью их носителей: «Украинское государство обеспечивает своим гражданам право свободного использования русского языка. В регионах, где компактно проживает несколько национальных групп, наравне с государственным украинским языком может функционировать язык, приемлемый для всего населения данной местности».

Этими документами, созданными ещё в СССР, можно было бы пренебречь, но перспективы непредсказуемых трактовок зафиксированных в них понятий заставляют сосредоточить внимание на двух событиях, произошедших в том же 1991 г. с интервалом чуть больше полугода, но абсолютно противоположными для социума результатами.

Первое событие связано с *Всесоюзным референдумом* 17 марта 1991 г., результаты которого продемонстрировали миру реаль-

⁵ Ведомости Верховной Рады Украины (укр. Відомості Верховної Ради України (ВВР)). 1989. № 45. Ст. 632.

⁶ ВВР. 1991. № 53. Ст. 799.

ное отношение социума к СССР. Свыше 76 % граждан из девяти союзных республик⁷, принявших участие в голосовании, однозначно высказались за его сохранение.

Второе событие произошло в *Беловежской Пуще* 8 декабря 1991 г. Оно отражало политическую волю президентов «обновлённых» союзных республик – Б.Н. Ельцина (РСФСР), Л.М. Кравчука (УССР) и А.М. Шушкевича (БССР), которые подписали *Соглашение об упразднении СССР* и создании *Содружества Независимых Государств* (СНГ). Для Украины, впрочем, как и для других участников саммита, такое решение казалось обоснованным, но это только на первый взгляд.

Так, Л.М. Кравчук опирался на результаты *Всеукраинского референдума* 1 декабря 1991 г., в котором большинство граждан, принявших участие в голосовании, якобы высказались за выход Украины из СССР. На самом деле вопрос в бюллетене звучал иначе: «Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины?» (т. е. речь шла о поддержке Верховной Рады, уже утвердившей соответствующий Акт).

Таким образом, выход Украины из состава СССР осуществлялся с учётом её якобы мононациональной природы и исторически сложившихся границ, хотя по факту она была заселена не только и не столько украинцами, а границ мононационального заселения просто не существовало, поскольку республика входила в союзное государство.

Отсюда и расплывчатость первичных формулировок, касающихся основ национально-языковой политики, которые с лёгкостью игнорировались по мере «воспитания» нового поколения и заменялись на националистические исходя из сложившейся ситуации.

История ставшей возможной трансформации прослеживается в целом ряде последующих за провозглашением независимости законов, регулирующих статус языков и национальностей в Украине: от лояльности ко всем языкам до игнорирования, ограничения и полного запрета русского языка. Проанализируем самые значительные из них.

1. Конституция Украины, принятая 28 июня 1996 г.⁸:

«Статья 10 «Государственным языком в Украине является украинский язык.

Государство обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины.

В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств» Украины».

«Статья 53. Гражданам, принадлежащим к национальным меньшинствам, в соответствии с законом гарантируется право обучения на родном языке либо на изучение родного языка в государственных и коммунальных учебных заведениях или через национальные культурные общества».

В ней украинский язык стал, таким образом, квалифицироваться как единственный государственный, а выделенный особо русский язык относиться к языкам национальных меньшинств, как и крымско-татарский, греческий, белорусский, болгарский и др. (о них даже не заявляется). Особая «лояльность» к русскому языку не исключала, впрочем, «логичные» выводы, «...направленные на закрытие русских школ (мы же не открываем, например, греческие школы по всей Украине?!), изучение русской литературы в рамках зарубежной на украинском языке (мы же не изучаем греческую литературу на греческом языке?!), а русского языка как иностранного с соответствующими акцентами на аудировании, говорении, чтении и письме» [7].

Естественно, что украинский язык стал со временем квалифицироваться как единственный для всех граждан Украины. Этот «вердикт» поддерживался всеми средствами массовой информации, убеждающими каждого, что «Рідна мова у нас одна!».

Подобные политические кульбиты оправдывались Конституцией, на основании которой продуцировались новые законы, зависящие не от реальной ситуации, сложившейся в обществе, а от позиции партий, Вер-

⁷ Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Армения и Грузия в голосовании не участвовали.

⁸ Конституция Украины. Принята на пятой сессии Верховной Рады Украины 28 июня 1996 года (укр. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року). Киев: Преса України, 1997. 79 с.

ховной Рады и ещё больше от президентской ветви власти, для которой время в Украине, начиная с 1991 г., перестало быть «московским» в прямом и переносном смысле слова.

2. Закон «Об основах государственной языковой политики». Конфликтность его принятия как нельзя лучше демонстрирует субъективность толкования, позволяющая признать его в конечном итоге неконституционным.

Законопроект был разработан В. Колесниченко и С. Киваловым – депутатами от Партии регионов, имеющей в то время парламентское большинство. Естественно поэтому, что, несмотря на ярое сопротивление оппозиции, 31 июля 2012 г. он был одобрен Верховной Радой, 8 августа подписан Президентом В.Ф. Януковичем, а 10 августа опубликован в газете «Голос Украины»⁹. Однако сразу же после смены президентской власти 23 февраля 2014 г. Верховная Рада проголосовала за его отмену. Это вызвало протесты в ряде регионов Юго-Восточной Украины и Крыма, хотя с ними не считались: власть сосредоточилась уже в других руках. В итоге 28 февраля 2018 г. решением Конституционного суда Украины закон был признан неконституционным.

Суть коллизий состояла в том, что в отменённый Закон было введено понятие «региональный язык» – тот, «который традиционно используется в пределах определённой территории государства гражданами этого государства, которые составляют группу меньшую, чем остальное население этого государства, и/или отличается от официального языка (языков) этого государства».

Законом также декларировалось, что при условии, если количество носителей регионального языка на определённой территории составляет десять и более процентов от численности её населения, он может использоваться в работе местных органов государственной власти, органов Автономной Республики Крым, органов местного самоуправления, а также использоваться наряду с государственным языком в экономической и социальной деятельности предприятий, учреждений, организаций, частных предпринимателей, объединений граждан, образовании, науке, культуре, информатике, СМИ, связи и

рекламе. Расширенное толкование понятия «региональный язык» было заведомо проблемным, а поэтому с лёгкостью было отвергнуто полунационалистически настроенной властью.

Так русский язык из-за некомпетентного толкования его статуса (будучи по своим характеристикам одним из государственных, он признавался то языком межнационального общения, то языком национальных меньшинств, то региональным языком) лишился его вообще. Конституция и первично принятые конституционные акты были к тому времени проигнорированы.

Это окончательно разрушило социальную основу национально-языковой политики, превратив её во время президентства П.А. Порошенко в политическую игру с оппонентами, в которой жонглирование законами было подчинено исключительно победе над ними. Однако поскольку количество политических игроков в мире иллюзий и лжи возрастало, увеличивалось и количество неконституционных актов, безальтернативность которых не позволяла достичь ни компромисса, ни победы.

3. Противоречивость законодательных инициатив в сфере национально-языковой политики П.А. Порошенко. Срок президентских полномочий П.А. Порошенко (7 июня 2014 г. – 20 мая 2019 г.) совпал с установлением «майданной власти» в Киеве, закончившейся возвращением Крыма в Россию и провозглашением Донецкой и Луганской Народных Республик. Украина потеряла одну из знаковых частей своей территории и веру оставшейся части в надёжность самой власти. П.А. Порошенко, избравшемуся без участия в голосовании Юго-Востока и Крыма, нужно было строить свою предвыборную кампанию на идее быстрого разрешения конфликта между частями Украины. После победы перед ним встала дилемма выбора политического курса: либо федерализация Украины с поддержкой языковой, культурной и экономической самостоятельности регионов, либо националистическая модель унитарности с подавлением инакомыслия. Он не мог принять ни первую, поскольку остановить начавшийся гражданский конфликт он был не в силах, ни вторую, так как не хотел лишиться поддержки политических сил,

⁹ См.: Голос Украины. 2012. 10 авг. № 146.

которые помогли ему прийти к власти. Он остановился поэтому на третьей: удержать власть любой ценой и увеличить возможности собственного бизнеса.

Отсюда и двойственность, а в некоторых случаях тройственность и даже многовекторность его законодательных инициатив, поступков и действий в сфере национально-языковой политики.

1. Сразу же после прихода к власти (июнь 2014 г.) он заявил, например, что принятое Верховной Радой решение о лишении русского языка статуса регионального было ошибкой. Но тут же напрочь забыл об этом.

Уже в октябре 2014 г. во время рабочей поездки во Львов он озвучивает новый курс на дерусификацию в рамках обещанной европеизации Украины: «Вторым языком, обязательным для изучения в школах и вузах, должен быть исключительно английский, а уж никак не русский. Свободное владение английским должно стать вторым критерием после люстрации требований к украинскому госслужащему».

В контексте дерусификации следует рассматривать все ключевые Постановления Верховной Рады Украины, инициируемые П.А. Порошенко:

А. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики»¹⁰ (принят 1 сентября 2015 г.);

Б. «Об Обращении Верховной Рады Украины к Его Всесвятости Варфоломею, Архиепископу Константинополя и Нового Рима, Вселенского Патриарха относительно предоставления автокефалии Православной Церкви в Украине» (принят 16 июня 2016 г.)¹¹.

Первое Постановление привело к расколу украинского общества из-за пересмотра общей с Россией истории.

Проведением такой политики занялся специально созданный для этого «Украинский институт национальной памяти», который искоренял эту самую память. Именно он давал оценки правильным или неправильным культурно-историческим акциям и переименованиям неугодных городов, посёлков и объектов городской инфраструктуры.

Наибольший урон он нанёс Донбассу, где во всех регионах, в том числе неподконтрольных Украине, было переименовано не только то, что было связано с коммунистической идеологией, но и с фактами российской, русской и советской истории.

Так на карте мира появились объекты с двойной и даже тройной номинацией: *Красноармейск, Червоноармійськ* и *Покровск* (в честь Украинской Повстанческой армии, основанной на «Покрова»), *Тельманово* и *Бойково*, *Красный Партизан* и *Бетманово*, *Юнокоммунаровск* и *Бунге*, *Кировское* и *Крестовка*, *Комсомольское* и *Кальмиусское*, *Тринадцатая Рота* и *Калинино*, *Красный Лиман* и *Лиман*, *ул. Молодогвардейская* и *ул. Героев Украины* (г. Славянск), *ул. Лазо* и *ул. Героев Небесной Сотни* (г. Краматорск) и даже первично русские названия *Набережные Челны*, *Николаев* и *Красная площадь*, «переделанные» в *Набережні Човни*, *Миколаїв* и *Червона площа*. Это раздувало пламя украинско-русских конфликтов, которые становились тем сильнее, чем дальше удалялся социум от исторических корней: «Історія не може бути доброю чи поганою, великою або малою – вона не підлягає перегляду і прогнозуванню минулого. Вона або є, або її нема. Інтерпретація історичних подій з певних політичних, партійних або класових позицій майже завжди призводить до трагедії втрати зв'язку поколінь» [8, с. 9].

Второе постановление, предписывающее создание Украинской автокефальной православной церкви и обязывающее Украинскую православную церковь Московского патриархата изменить название на Русскую православную церковь, привело к духовному расколу православия.

Тем не менее, пятого сентября 2017 г. все эти концепции пришлось объединить в подписанном П.А. Порошенко Законе «Об образовании»¹², фактически запрещающем обучение в государственных учебных заведениях на любом другом языке, кроме украинского. Лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, была предусмотрена возможность получения знаний на их родном языке только на уровне дошкольного и начального образования и только в отдель-

¹⁰ ВВР. 2015. № 26. Ст. 219.

¹¹ ВВР. 2016. № 27. Ст. 528.

¹² ВВР. 2017. № 38-39. Ст. 380.

ных классах (группах) коммунальных образовательных учреждений.

Хотя правовая некомпетентность подобных законов и действий была очевидной, кампания должна была завершиться до 1 сентября 2020 г. И она завершилась, несмотря на то, что закон противоречил ч. 3 ст. 10 Конституции Украины, где указано, что украинское государство способствует развитию как русского, так и языков других национальных меньшинств, Декларации прав национальностей Украины и Закону «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» 2003 г.

На этом противоречивая суть языкового законотворчества П.А. Порошенко не изменилась. Она только набирала обороты.

25 апреля 2019 г. Верховная Рада Украины приняла Закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного»¹³. В нём были сформулированы нормы функционирования украинского языка в телеэфире и образовательных учреждениях: все школы, в том числе с русским и другими языками обучения, с 1 сентября 2020 г. должны быть преобразованы в украинские. Для контроля за выполнением этого закона была введена должность уполномоченного по языку, который обязан следить за тем, чтобы украинский язык не подвергался дискриминации.

2. Дерусификация коснулась далее культурной политики. Шестого июля 2016 г. П.А. Порошенко подписал Закон «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно процента музыкальных произведений, исполняемых на государственном языке в программах телерадиоорганизаций»¹⁴. Он устанавливал языковые квоты для радиовещания и требовал, чтобы в течение трёх лет довести процент исполняемых песен на украинском языке до тридцати пяти от всего среднесуточного объёма вещания, а процент информационных программ – до шестидесяти.

Позже, а именно 7 июня 2017 г., был подписан Закон «О языковых квотах на телевидении»¹⁵ (не менее 75 % передач и фильмов на украинском языке для общенацио-

нальных и региональных компаний и 60 % для местных телерадиокомпаний).

На закате своего президентства П.А. Порошенко, решивший участвовать в выборах на второй срок, уже чётко и осознанно понимал суть своих политических приоритетов. Выступая в марте 2019 г. на мероприятии, посвящённом 205-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко, он заявил, что Украина за годы его правления наконец освободилась от «культурной оккупации» Россией.

И он «доказал» это, подписав за 5 дней до инаугурации В.А. Зеленского 15 мая 2019 г. Закон о государственном языке, который по сути запрещал использование русского языка в любой сфере профессиональной деятельности и официального общения: по закону русский язык окончательно утратил статус языка межнационального общения, статус регионального и официального. При этом украинский язык стал обязательным для всех без исключения государственных служащих (это требование подчёркнуто и в Законе «О государственной службе»).

Владение украинским языком становится, кроме этого, обязанностью каждого гражданина Украины, в том числе и для лиц, желающих получить украинское гражданство.

Все украинские газеты должны с момента принятия закона выходить на украинском языке, **за исключением выходящих на английском и других языках ЕС, а также на крымскотатарском языке**. Заигрывание в Законе о государственном языке с «патриотически настроенными» националистами, с которыми он надеялся выиграть новые выборы, ни к чему не привело. Двойственность политической позиции завершилась воинствующей русофобией, которую избиратели не приняли и не простили, но которую молчаливо поддержал В.А. Зеленский, не изменив ни одной строчки в законах, касающихся основ национально-языковой политики.

ВЫВОДЫ

Анализ принципов формирования украинской законодательной базы в сфере национально-языковой политики доказывает, что ни официальные документы, ни практика борьбы государственных и партийных организаций «за языковые права большинства и

¹³ ВВР. 2019. № 21. Ст. 81.

¹⁴ ВВР. 2016. № 31. Ст. 547.

¹⁵ ВВР. 2017. № 26. Ст. 298.

меньшинства», ни субъективные трактовки языков, игнорирующих их социальный статус и предназначение, не выдерживают критики. Они лишь катализируют внутренние и межгосударственные конфликты. На повестку дня со всей очевидностью встаёт вопрос о научных подходах к основам национально-языковой политики.

1. Язык – социальное явление. Это объективная реальность, которая не зависит от воли отдельного человека. Статус языков поэтому не решается голосованием или референдумами, иначе при каждом изменении политической власти нужно менять и отношение к языкам. Он устанавливается определением реальной языковой ситуации в государстве, регионе или территориальной общине.

2. Каждый язык как высшее достижение человеческой цивилизации уникален и неповторим. Любой язык, удовлетворяющий потребности определённого языкового коллектива, «велик и могуч». Он не может квалифицироваться как развитый или неразвитый, титульный или не титульный, коренной или не коренной, а тем более по принципу большинства – меньшинства.

3. Неадекватное восприятие языков переворачивает методику их изучения с ног на голову, искажает как русское, так и украинское культурное пространство, нанося вред не только национальному образованию, но и межнациональному и даже межличностному диалогу, поражённому коррозией непонимания и конфликтности.

4. Язык в современном обществе – не просто средство общения. Он олицетворяет культуру определённой общности, поэтому достижение высокой степени продуктивности в общении без постижения культуры невозможно.

5. Важнейшей основой современной цивилизации является *национальный язык* как средство общности нации. Это тип общенационального мышления, проявление философии и психологии определённого народа, который может материализовываться в разных языковых системах (диалектах, жаргонах, региолектах, фольклоре, литературных языках разных национальностей и т. п.) и даже любых проявлениях культуры (в живописи, музыке, архитектуре, танцах, рели-

гиозных обрядах) как формах передачи вербальными и невербальными способами национального мыслящего процесса.

Так, Н.В. Гоголь, В.Г. Короленко, М.А. Булгаков – как русские, так и украинские писатели, несмотря на русскоязычность их произведений; художники И.К. Айвазовский, армянин по национальности, или грек А.И. Куинджи – великие русские художники; поэт Расул Гамзатов, писавший на русском языке, олицетворяет аварскую литературу; Т.Г. Шевченко или Марко Вовчок, в арсенале которых большое количество произведений на русском языке, представляют украинскую, а не русскую литературу; Дженгиз Дагджи, родившийся в Крыму, большую часть жизни проживший в Лондоне, публиковавший свои произведения на турецком языке и говоривший в том числе по-русски, – великий крымскотатарский писатель и т. п.

6. Форма языка проявляется в специфике фонетической, лексической или грамматической систем, то есть в речи, а духовность и культура – в сущности национального мировосприятия, то есть в национальном языке. Поэтов, художников, музыкантов, религиозных или политических деятелей следует поэтому оценивать не по принципу, где они родились, на каком языке говорят, какой они национальности или веры, а по тому, философию и психологию какого народа они передают своим творчеством.

7. Игнорирование социальных основ формирования национального языка влечёт за собой разрушение нации и государства. Оно при этом сопровождается массой политических деклараций, противоречащих смыслу языка как такового, а тем более национального языка. Их непоследовательность, антинаучность и неопределённость влекут за собой непредсказуемость языковой политики. Понятия «государственный» и «официальный» рассматриваются как синонимы: «государственный – тот, что имеет отношение к государству», «официальный – тот, что регулируется правительством, то есть правительственный, служебный». Что касается других политико-языковых понятий («язык национальных меньшинств», «региональный», «нетерриториальный», «родной» и т. п.), то их определяют по количественным показателям или титулованности.

Русский язык в Украине признаётся то языком национальных меньшинств (Конституция Украины, 1996 г.), то официальным (постановления регионов Восточной Украины и Крыма, 2008 г.), то региональным (Постановление Верховной Рады, 2012 г.), то государственным наряду с украинским (Конституция ДНР, 2014 г.), то государственным наряду с крымскотатарским и украинским (Конституция Автономной Республики Крым, 2014 г.), что провоцирует представителей других национальностей на соответствующие решения, касающиеся статуса их языков в границах государства, отдельного региона или района.

Социальная составляющая требует особого подхода к определению политического статуса языков.

8. **Государственный** – это язык (или языки), который понимает большинство граждан государства независимо от национальности или территории проживания (например, русский и украинский в ДНР или украинский и русский в Украине).

9. Юридической формой государственного языка является **государственный официальный язык**, который представляет государство на межнациональном или международном уровнях. Государственных языков

может быть много, а государственным официальным должен быть только один (например, украинский официальный в Украине и русский официальный в России).

10. **Языки национальностей** (но не уничижительный термин «языки национальных меньшинств», разделяющий титульную/нетитульную нации) – это языки компактного проживания граждан определённой национальности на определённой территории (например, греческий язык в Донбассе).

11. **Региональный** – это язык, не входящий в национально-государственную языковую общность (национальный язык), на котором может общаться население определённой территории (как правило, пограничной) независимо от его национальной принадлежности (например, венгерский язык в Закарпатье или польский язык во Львове).

12. **Нетерриториальные** – это языки общения мигрантов и иностранные языки, как правило, мировые, не имеющие чётко очерченной территории и не входящие в национально-государственную языковую общность (национальный язык).

13. **Родной** – это язык, на котором человек мыслит и который при многообразии форм является проявлением единого национального языка.

Список источников

1. Грушевский М.С. Вопрос об украинских кафедрах и нужды украинской науки. Спб., 1907. 48 с.
2. Борисенок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 48 с.
3. Мозговой В.И., Ляшенко В.Г. Там, где было Дикое поле...: очерки истории Донецкого края / общ. ред. В.И. Мозгового. Донецк: Кардинал, 2001. 336 с.
4. Корнилов В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. М., 2017. 800 с.
5. Сталин И.В. Заключительное слово по докладу об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) // Сталин И.В. Собрание сочинений: в 13 т. М.: ОГИЗ; ГИЗПЛ, 1947. Т. 5. С. 45-49.
6. Дроздов К.С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 529 с.
7. Мозговой В.И. Русская культура в украинском языковом контексте: политика и реальность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русские языки и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 3. С. 13-18.
8. Мозговой В.И. Националистическая концепция патриотизма. Есть ли у нее будущее? // Подтекст. Политико-аналитический еженедельник, 19–25 марта 1997. Киев: Всеукраинский общественный благотворительный фонд поддержки национальной безопасности, 1997. № 10 (32). С. 7-10.

References

1. Grushevskiy M.S. *Vopros ob ukrainskikh kafedrah i nuzhdy ukrainskoy nauki* [The Question about Ukrainian Departments and the Needs of Ukrainian Science]. St. Petersburg, 1907, 48 p. (In Russian).

2. Borisenok E.Y. *Kontseptsii «ukrainizatsii» i ikh realizatsiya v natsional'noy politike v gosudarstvakh vostochnoyevropeyskogo regiona (1918–1941 gg.): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Concepts of “Ukrainization” and their Implementation in National Policy in the East European States (1918–1941). Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2016, 48 p. (In Russian).
3. Mozgovoy V.I., Lyashenko V.G. *Tam, gde bylo Dikoye pole...: ocherki istorii Donetskogo kraya* [There, Where the Wild Field Was...: Essays on the History of the Donetsk Region]. Donetsk, Kardinal Publ., 2001, 336 p. (In Russian).
4. Kornilov V. *Donetsko-Krivorozhskaya respublika. Rasstrelyannaya mechta* [Donetsk-Kryvyi Rih Republic. A Shot Dream]. Moscow, 2017, 800 p. (In Russian).
5. Stalin I.V. Zaklyuchitel'noye slovo po dokladu ob ocherednykh zadachakh partii i natsional'nom voprose na X s"yezde RKP(b) [The Final Word on the Report on the Next Tasks of the Party and the National Issue at the 10th Congress of the RCP(b)]. In: Stalin I.V. *Sobraniye sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, OGIZ, GIZPL Publ., 1947, vol. 5, pp. 45-49. (In Russian).
6. Drozdov K.S. *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'ye, 1923–1933 gg.* [Ukrainization Policy in Central Black Earth Region, 1923–1933]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2012, 529 p. (In Russian).
7. Mozgovoy V.I. *Russkaya kul'tura v ukrainskom yazykovom kontekste: politika i real'nost'* [Russian Culture in the Ukrainian Language Context: Politics and Reality]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ceriya Russkiye yazyki i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Russian Languages and Foreign Languages and their Teaching Methods], 2010, no. 3, pp. 13-18. (In Russian).
8. Mozgovoy V.I. *Natsionalisticheskaya kontsepsiya patriotizma. Est' li u neye budushcheye?* [Nationalist concept of patriotism. Does it have a future?]. *Podtekst. Politiko-analiticheskiy ezhenedel'nik* [Subtext. Political and Analytical Weekly Journal]. Kyiv, All-Ukrainian public charity fund to support national security Publ., 1997, no. 10 (32), pp. 7-10. (In Ukrainian).

Информация об авторе

Мозговой Владимир Иванович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка. Донецкий национальный университет, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, ORCID: [0000-0002-4301-6585](https://orcid.org/0000-0002-4301-6585), mowi48@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, написание текста статьи, редактирование.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022
Одобрена после рецензирования 15.04.2022
Принята к публикации 21.04.2022

Information about the author

Vladimir I. Mozgovoy, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk Peoples Republic, ORCID: [0000-0002-4301-6585](https://orcid.org/0000-0002-4301-6585), mowi48@mail.ru

Contribution: literature analysis, manuscript text drafting, editing.

The article was submitted 28.01.2022
Approved after reviewing 15.04.2022
Accepted for publication 21.04.2022